

ся за убійць; вотъ Апостоль Павелъ, гонимый жидами, ревнуетъ о ихъ спасеніи; вотъ безчисленный сонмъ угодниковъ Божіихъ, ублажаемыхъ Церковью, воспѣвающею ихъ незлобіе. Но зачѣмъ намъ ходить за примѣрами въ глубь древности? Обратимся къ теперешней житейской наличности, обратимся къ типамъ мірской литературы. Вотъ въ романѣ Достоевскаго Алеша Карамазовъ, безвинно обиженный отцемъ, братьями и чужими. Его православная душа не возбуждается обратной злобой, въ ней нѣтъ мѣста для послѣдней; не взаимную ненависть вызываютъ въ ней оскорбленія и мученія со стороны близкихъ, но лишь сожалѣніе о ихъ грѣховности; а сожалѣніе пробуждаетъ любовь, и чѣмъ болѣе гонятъ и ненавидятъ христіанина, тѣмъ участливѣе и нѣжнѣе онъ любитъ; будучи въ униженіи отъ усилившихся враговъ, онъ не о себѣ жалѣеть, но о нихъ, видя ихъ печальное заблужденіе. Вотъ гдѣ вѣнецъ христіанства! Но онъ сбрасывается съ него новой вѣрой. Она, правда, не отрицаетъ его высоты, но отвергаетъ его возможность, называетъ его «гуманнымъ и отвлеченнымъ любуемудріемъ». «Любить враговъ?» спрашиваетъ авторъ (VI гл.): «но это невозможно. Это было бы одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которое нельзя смотрѣть иначе, какъ на указаніе недостижимаго нравственнаго идеала. Можно не вредить своему врагу, но любить его нельзя. Не могъ Христосъ предписывать невозможнаго». Да, это невозможно для новой вѣры, но возможно для православной; невозможно для первой, ибо не относится къ подавленію плотскихъ страстей, но возможно для второй, научающей бороться со страстями духовными.

Иисусъ Христосъ далъ заповѣдь не гнѣваться. Заповѣдь эта принимается и новою вѣрою, и Церковью; и совершенно безъ нужды авторъ старается ее обвинить въ вставкѣ слова: *напрасно*, не гнѣваться напрасно, ибо нигдѣ Церковь не одобряетъ никакого гнѣва и ежедневно проситъ Бога объ избавленіи отъ всякаго гнѣва, проситъ о мирѣ со всѣми, о дарованіи намъ ангела мирна, о скончаніи всего житія нашего въ мирѣ, до самой смерти. Но Церковь, заповѣдуя любовь къ врагамъ, а не только воздержаніе отъ нанесенія имъ зла, естественно, и гнѣвъ запрещаетъ не только въ его проявленіяхъ, но и самое чувство гнѣва; повидимому авторъ книги «Моя вѣра» и это считаетъ мало возможнымъ, а формулируетъ свою заповѣдь такъ: «*живи* въ мирѣ со всѣми людьми, никогда своего гнѣва на людей не считай справедливымъ.